
В.И. Матузова

ТЕВТОНСКИЙ ОРДЕН КАК ДУХОВНАЯ КОРПОРАЦИЯ, XIII–XIV вв. (на материале «Хроники земли Прусской» Петра из Дусбурга)

Автор на материале «Хроники земли Прусской» Петра из Дусбурга (первая треть XIV в.) обращается к теме «Тевтонский орден как духовная корпорация». Дуалистичный по своему характеру духовно-рыцарский Тевтонский орден предстает в статье как монашеский. Петр из Дусбурга старательно согласует воинский и духовный аспекты и представляет агрессию ордена в Пруссию как миссию, направленную на христианизацию пруссов, как крестовый поход особого рода, осуществляемый «духовным оружием».

В статье уделено первостепенное внимание двойственному характеру Тевтонского ордена, проявляющемуся в материальной и духовной культуре. Таковы особенности архитектурных сооружений ордена, сочетающие в себе военные укрепления и монашеские обители. Двойственный характер носят и обряд посвящения в рыцари ордена и обряд монашеского пострига, приобщенные к церковной литургии. Петр из Дусбурга лишь намекает на организацию жизни орденских замков-монастырей, но в совокупности эти намеки создают картину его внутренней жизни, ритуалов и обычаев, способствуя созданию общей характеристики крестоносцев как святых великомучеников. Особенность «Хроники земли Прусской» – ее насыщенность чудесами и видениями. Вступление в орден хронист трактует как чудо *внезапного* преображения человека из грешника в праведника. К чудесам относится и явление Девы Марии, покровительницы ордена. Молитвы, обращенные к Деве Марии или к Христу, становятся своеобразным средством «коммуникации» с божественными силами и, как правило, находят немедленный отклик. Кроме культа Девы Марии в Тевтонском ордене существовал культ Святого Креста, а также почитание многих других святых (среди них свв. Георгий, Елизавета, Варвара и Варфоломей). Благодетие и почитание святых проявилось в создании литературы ордена: поэтических парафраз отдельных книг Библии, житий святых великомучеников, собранных в «Пассионале»; особняком стоит житие святой Мартины (поэма Гуго фон Лангенштейна). В почитании Иисуса Христа ощутимо влияние немецкого мистицизма в духе Генриха Сузо.

«Хроника земли Прусской» Петра из Дусбурга, лаконично сообщая о деталях монашеской жизни в Тевтонском ордене (для автора, несмотря на его священнический сан, ратная жизнь выступает на первый план), живописуя чудеса

и видения, в которых крестоносцы «контактируют» с Христом и Девой Марией, ангелами и дьяволом, позволяет проникнуть в некоторые особенности духовности Тевтонского ордена в целом и формирования его идентичности и ментальности пребывавших в Пруссии крестоносцев.

Ключевые слова: Тевтонский орден, Пруссия, крестовые походы, Петр из Дусбурга, «Хроника земли Прусской», духовность, монашество, рыцарство, литургия, чудеса, видения

Духовно-рыцарский Тевтонский орден, двойственный по своему характеру, часто привлекает исследователей как воинская, рыцарская, корпорация. Этот аспект его существования нашел и находит отражение во многих статьях и монографиях. Меньше внимания уделено непосредственно монашеской стороне жизни ордена, возможно, потому что эти стороны нелегко разделить, поскольку рыцари (воины) одновременно являются и монахами (братьями). В этом качестве (братья-рыцари) они предстают в «Хронике земли Прусской» Петра из Дусбурга.

В самом начале «Хроники земли Прусской» Петр из Дусбурга четко характеризует двойственную природу своего ордена. Это орден рыцарский («Ибо являются они рыцарями и воителями избранными, твердой рукой подавляющими врагов во имя закона родины»). Но это и «духовный орден, который на пользу святой церкви быстро распространяется», а члены его «являются... вечным источником благоденствий любви, дающим приют чужестранцам, странникам и недужным». Среди них «почетное и весьма полезное место занимают клирики, чтобы <...> побуждать мирян к соблюдению обрядов и посещать богослужения и совершать таинства», а также «подготавливать [рыцарей] к воинской доблести» (ПД. I, 1).

Петра из Дусбурга (как, вероятно, любого хрониста Тевтонского ордена времен завоевания Пруссии) невозможно уподобить какому-либо хронисту, описывающему «дела давно минувших дней» за монастырскими стенами. Как член своей корпорации (священник), как один из крестоносцев, он находился в центре описываемых им событий. И пусть даже многие из них отделены от него несколькими десятилетиями, все же они еще живы в памяти его современников и незабываемы для него самого. «Знамения и чудеса», о которых он заявляет в начале хроники, будут то и дело появляться на страницах его сочинения («возобновились знамения, сотворились новые чудеса» – ПД. III, 31), поскольку необходимы при выработке того, что ныне мы называем орденской, крестоносной идеологией, и составляют ее неотъемлемую часть.

Перед хронистом стояла задача не только запечатлеть в своем сочинении события прошлого и настоящего, но и охарактеризовать происходившее как крестовый поход. Для духовно-рыцарского ордена, учре-

жденного в конце XII в., во время Третьего крестового похода, это было тем важнее, что, учитывая его двойственный характер (духовный и светский), необходимо было устранить противоречие, возникавшее между реальными военными действиями и христианской заповедью «Не убий». Уже существовало понятие священной войны, а Бернард Клервоский приветствовал появление «нового рыцарства». И, как бы в продолжение и развитие этих понятий, на страницах «Хроники» Петра из Дусбурга появляются понятия «нового оружия» (наиболее подходящего для «нового рыцарства») и «новых войн», которые ведутся «новым оружием». В этом, можно сказать, «программном» разделе сочинения автор называет «новое» оружие «духовным» (в отличие от «плотского»), создавая при этом его аллегорию с помощью изошренного использования библейских цитат и внося свою лепту в идеологию крестовых походов.

Дуалистичный характер ордена особенно отчетливо проявляется в структуре сооружаемых крестоносцами в Пруссии крепостей, выполнявших и светские, и духовные функции (Arszyński 1993. S. 147). Текст «Хроники» свидетельствует о том, что внутри орденские крепости (замки) были одновременно и монастырями, где имелись рефекторий (трапезная), дормиторий (опочивальня) и часовня (ПД. III, 70). Такую структуру крепостей Тевтонского ордена подтверждают в наше время археологические раскопки. Так, в процессе начатых в 1926 г. и продолженных в 2012 г. раскопок одного из древнейших замков ордена в Палестине, Монфора, было обнаружено два крыла. В центральном из них находились дормиторий, рефекторий, капитул и часовня, а в западном крыле располагался Большой зал и апартаменты верховного магистра. Петр из Дусбурга не описывает, как выглядели церковные сооружения ордена в Пруссии снаружи или внутри в плане их архитектурной структуры или архитектурного убранства; он сообщает или кратко повествует только об их сооружении. Немногие чудом сохранившиеся церковные постройки того времени (а чаще – их остатки) свидетельствуют, что они создавались в готическом (немецком или французском) стиле (Voas 2019. S. 26). Однако для автора «Хроники» внешний вид замка не представляет первостепенного интереса. Для него орденский замок – обитель святости: он воздвигается в месте, предназначенном для этого Богом, по благодати Божьей и во славу Божию, в нем хранятся мощи святых, через которые являются чудеса Божьи, а главное – в нем пребывает орденская братия, защищающая Христа и христианскую веру (Dugo 2008. S. 68).

О том, что церковных сооружений в Пруссии было немало, можно судить по сведениям о материальном ущербе, нанесенном им язычниками, о чем Петр из Дусбурга говорит неоднократно: «церкви, часовни и молельни Божьи они сжигали, с церковными святынями кощунствен-

но обращались, церковное облачение и сосуды использовали непозволительным образом, священников и прочих служителей церкви беспощадно убивали» (ПД. III, 90); «нанесли большой ущерб образам святых, церковному облачению и прочему, предназначенному к служению Богу, и церковным святыням» (ПД. III, 148); «нанося церквам и церковным святыням и служителям немалый ущерб» (ПД. III, 262). И насколько эмоционален хронист, как бы между прочим подытоживая беды, испытываемые крестоносцами: «Ни один нормальный человек не может без слез подумать о том, сколько зла и какое великое побоище народа Божьего содеяло и сколько ущерба причинило это войско святыням церкви и ее служителям» (ПД. III, 192). Наверно, это самое большое мучение, испытываемое «святынями» крестоносцами, – мучение духовное, даже большее, чем столь часто упоминаемые хронистом «невероятные лишения в пище, питье и одежде и в прочем, необходимом для человеческой жизни» (ПД. III, 30), для описания которых хронист прибегает к библейской книге Неемии: «Воистину, – пишет он, – воплотилось в них то, что говорится об иудеях, желавших восстановить святой град Иерусалим, противостоя сопротивлению язычников, что половина их занималась работою, а другая держала копья от восхода зари до появления звезд; одною рукою производили работу, а другою держали меч» (ПД. III, 172). Но всё, вместе взятое, братья, как и подобает монахам, перенесли со «смирением и кротостью», полагая, «что пребывают среди райского блаженства», и это – «чудо Божие» (ПД. III, 145). «Ведь они шли к блаженству, когда претерпевали такое во имя Христа, а также, если испивали чашу спасительного страдания» (ПД. III, 30).

Вероятно, некоторые братья ордена перед вступлением в него сами становились основателями монастырей. Во всяком случае, Петр из Дусбурга говорит об основании женского монастыря в Кроновиче Генрихом фон Вейде, будущим ландмейстером Тевтонского ордена в Пруссии (1247–1249 гг.): «...каковой монастырь он создал и основал и одалжил чудными дарами». Туда после его вступления в орден удалась его жена, а сам он в нем «умер и был погребен» (ПД. III, 57).

Кажется, вступление в орден и монашеский постриг – это для хрониста и награда, и спасение. Так, «некий знатный человек из Краковии», снабдивший (по воле Божьей) провиантом братию замка Торн (Торунь), был заслуженно принят в орден как монах (ПД. III, 52). Когда в 1272 г. маркграф Дитрих Мейссенский пришел со своим войском на помощь ордену в завоевании Натангии, он, пишет хронист, «посвятил в орден дома Тевтонского 24 благородных и доблестных воина из дружины своей и, позаботившись, чтобы у них ни в чем не было недостатка, что требуется для священной (монашеской. – *В.М.*) и воинской службы, оставил их в

земле Прусской» (ПД. III, 133). Надо отметить, что ритуал посвящения в Тевтонском ордене тоже обнаруживает дуалистичность (как и многое другое): в нем отчетливо проявляется его связь с рыцарским характером ордена, с одной стороны, и с литургией – с другой (Löffler 2019. S. 11). Вступление в орден или один лишь обет вступить в него нередко означало *внезапное* превращение грешника в ревностного служителя веры. Брат Генрих Кунце, «вступив в орден дома Тевтонского, как прежде в бытность мирянином превосходил своих сверстников пороками, так ныне в монашестве превосходил прочих братьев добродетелями» (ПД. III, 284). А грешник Иоганн фон Ильберштедт (он «вел непристойную жизнь») обрел спасение, лишь принеся обет, что примет монашеский постриг в ордене дома Тевтонского (ПД. III, 350).

Находя для любого значимого события параллель в Библии, хронист уподобляет крестоносцев – в собирательном плане или индивидуально – библейским персонажам. Чаще всего он сравнивает рыцарей ордена с Маккавеями (этому вопросу посвящено немало исследований), и в конце концов рыцари отождествляются с ними (Fischer 2001). Он не упускает возможности показать (или доказать) святость крестоносцев. Но для него братья ордена в Пруссии не просто святые, но и великомученики.

Вероятно, этой его убежденностью продиктована яркая особенность «Хроники земли Прусской»: ее насыщенность чудесами и видениями, что свойственно обычно житиям святых.

Единение исторической реальности и вымысла вполне органично для исторических сочинений Средневековья, поскольку как авторы, так и читатели (или слушатели), в силу особенностей их менталитета, воспринимают вымысел как реальность. Особенно часто переплетение вымысла и реальности наблюдается в описании хронистом реальных, подчас бытовых, событий, происходящих с насельниками орденских замков и служащих созданию коллективного образа крестоносцев и апологии ордена.

Едва вторгшись в Пруссию, тевтонские рыцари уже одним своим появлением заявляют о своем благочестии. Пруссы, в очередной раз напавшие на Польшу, впервые узнают это от пленного поляка: в их земле появились «благочестивые люди и доблестные рыцари, посланные из Алемании господином папой, чтобы воевать с ними, пока не подчинят их упрямую и непокорную выю священной Римской Церкви» (ПД. II, 11).

В начале «Хроники» Петр очень подробно останавливается на описании жизни орденской братии в замках Балга и Христбург, уделяя при этом особое внимание соблюдению монашеских обетов, среди которых выделяются непорочность (чистота), воздержание и суровость дисциплины. Он пишет: «Какова была чистота жизни и какова добродетель воздержания и какова суровость правил дисциплины среди братьев Бал-

ги и других... замков, неведомо никому, кроме Того, Кому открывается каждое сердце и от Кого ничто не утаивается. Молельни почти никогда не бывали без молящегося, и не было угла в упомянутом замке, где после вечерни и заутрени не оказывался бы какой-нибудь брат, занимавшийся самобичеванием» (ПД. III, 22). Интересно, что хронист явно осознанно выделяет именно этот тип монашеской покаянной практики: ведь именно в XIII в. она вступила в свою новую фазу, выйдя за пределы монастырских стен на улицы средневековых городов, где флагелланты бичевали себя в публичных покаянных шествиях. Мало того, одна из глав «Хроники земли Прусской» повествует о Конраде Тюрингском, некогда ландграфе, а впоследствии верховном магистре Тевтонского ордена (1230–1240 гг.). Он, будучи в миру, взял город Фрицлар, за что при вступлении в орден решил понести покаяние: «босым и с непокрытой головой пошел во главе процессии в упомянутом городе и встал перед воротами церкви, протягивая посох, который держал в руке, людям, чтобы любой вольно побил его». На это решилась только одна старуха. «Вот так, – завершает свой рассказ хронист, – этот брат Конрад был посвящен в орден дома Тевтонского» (ПД. IV, 33). В память об этом событии Конрад Тюрингский был изображен на своем надгробии с плетью в руке.

Одну из заключительных глав «Хроники» Петр из Дусбурга посвящает «Брату Таммо из Балги и его жизни»: он провел в Балге и в ордене 56 лет, из которых 30 лет «ни разу не выходил за пределы... замка. Он не пил ни браги, ни меда...; носил власяницу; каждый праздник святых постился на хлебе и воде» (ПД. III, 339). Хронист не раз напоминает о монашеских обетах. Причем, если нищета и смирение – это добродетели, которые обязаны соблюдать не только монахи, но и все остальные, то соблюдение непорочности – это самое трудное («ибо никто не может быть непорочным, если не даст Бог»). Комтур замка Кёнигсберг Альберт фон Мейссен сохранил непорочность, услышав «небесный глас», посоветовавший ему ежедневно «истово произносить» молитву: «О всевышняя любовь, дай нам истинное и чистое вожеление к тебе и к непорочности и очисти душу нашу и избави нас от скверны», и тогда «почти угас в нем очаг греха» и «никакой сильный соблазн не уязвлял в дальнейшем душу его» (ПД. III, 230). Но только комтур Кёнигсберга Бертольд Брухаве обрел непорочность не молитвами, а реальным действием: более года он каждую ночь возлежал с девушкой, «равной которой по красоте не было по соседству», но даже не прикоснулся к ней. Вот почему он, по мнению хрониста, «сильнее Самсона, святее Давида и мудрее Соломона» (ПД. III, 236).

Сюда же относится и преодоление дьявольских соблазнов, сопротивление дьяволу. Вольфрам Сакс из Кёнигсберга более года противился

дьяволу и преуспел в этом (ПД. III, 233). Лучник из замка Рагнита просто вступил в диалог с дьяволом и понял, что причиной его бед было то, что он небрежно крестился перед сном (ПД. III, 315). Так что дьявол тоже явление не однозначное: он не только носитель всяческого зла, соблазняющий благочестивых рыцарей, порой сеющий смуту между ними или вносящий смятение в их души, выступающий на стороне их врагов, подстрекая пруссов к восстаниям, а поморского князя Святополка к войне против ордена, но он выполняет также дидактическую функцию, испытывая братьев-рыцарей на духовную стойкость.

В замке Христбург тоже «жили боголюбивые люди, пораженные непорочностью и соблюдением обрядов, и, кроме того, они были доблестными рыцарями, так что воистину можно о них сказать, что в монастыре и на поле брани они вели жизнь ратную» (ПД. III, 64). Почти то же самое говорится о жизни братьев ордена в замке Кёнигсберг: «...в нем жили добродетельные люди: братья и доблестные рыцари. В добродетели воздержания, моления, бдения и коленапреклонения они не знали себе равных.» (ПД. III, 230). А рыцари-монахи из замка Энгельсберг (Гора Ангела), под стать его названию вели «жизнь ангельскую» (ПД. III, 22), как, якобы, отзывались о них «некие благочестивые люди».

Подтверждением святости братьев являются посылаемые им чудеса. Так, брат «из Глейссберга» из замка Христбург отличался «такой святостью, что в пятницу, когда в церкви шла служба и, как водится, он преклонил колени, чтобы поцеловать крест, деревянный образ Распятого, поднявшись, простер руки свои, желая обнять и облобызать его» (ПД. III, 64. Этот крестоносец впоследствии оказался среди погибших в Куршской битве, чьи души вознеслись на небеса – ПД. III, 87). То же испытал и комтур Христбурга Генрих Штанге: «деревянная фигура распятого, пред которой он молился, протянула руку свою и, осенив крестом, благословила его...» (ПД. III, 69). Однако сами чудеса тоже требуют подтверждения, и Петр из Дусбурга не упускает случая и, по возможности, привлекает к этому свидетелей. Так, произошедшее с Генрихом Штанге «видел и сообщил всем брат Гейндрик, священник этого же замка, который молился в то время в одном углу часовни» (Там же).

Распорядок монастырской жизни никогда не оговаривается специально; он, скорее, подразумевается. Так, покидая замок Бартенштейн, братья оставляют в нем старого брата, который «каждый канонический час подавал колоколом сигнал» (ПД. III, 121), создавая впечатление, что жизнь в замке идет своим чередом. Интересно, что о молитвенной практике орденской братии сообщает язычник (самб): «Они еженощно встают с ложа своего и сходятся в молельне, и много раз днем, и выражают почтение Богу своему» (ПД. III, 70). В этом он усматривает главную при-

чину победы крестоносцев над пруссами. Молитвы – это некое особое «средство коммуникации», посредством которого устанавливается связь между крестоносцами, Христом и Девой Марией.

Дева Мария не только покровительница ордена, но и мудрая советчица, и воспитательница, и целительница, и даже воительница, не раз воочию являвшаяся рыцарям и братьям не только в стенах замка, но и на поле брани. Некоего брата из замка Редин, усомнившегося в том, что в Тевтонском ордене он обретет спасение души, Дева Мария, явившись ему в видении, переубеждает наглядным примером: перед ним проходят святые Бернард, Доминик, Франциск и Августин – каждый во главе посвященного ему ордена – и отказываются принять его в свои ордены. И тогда Дева Мария показывает ему братьев Тевтонского ордена, погибших в Пруссии. «Разве не кажется тебе, что эти братья твои претерпели нечто во имя Иисуса Христа?», спрашивает она, и орденский брат (в назидание остальным) признает свою ошибку (ПД. III, 12). Брата Генриха фон Лихтенбурга, носившего «на голом теле вместо рубахи» тяжелые доспехи, отчего «его плоть была настолько изъязвлена, словно изъедена скорпионами», Дева Мария излечила «легким прикосновением руки» (ПД. III, 131). Брат Альберт фон Мейссен из Кёнигсберга, «у которого выпали все волосы на голове и брови», вознес молитву Господу с просьбой забрать его к себе, но «в ту же ночь он был исцелен Богом» (ПД. III, 231). Тот же брат Альберт, находясь в походе, обратился к Богу со словами сожаления, что не может причаститься тела его в храме, и сразу же получил гостию, как если бы «ему служили в алтаре» (ПД. III, 232). То есть и в условиях похода он продолжает жить по заведенному в монастыре распорядку. Описывает хронист и случай прямой (голосовой) связи: когда в безвыходных обстоятельствах «один благочестивый брат воззвал к Богу» за советом, «глас небесный ответил ему» (ПД. III, 121). В разговоре с Германом Сарацином Дева Мария укоряет братьев ордена в том, что они «почти никогда не читают о сыне моем и обо мне, и о жизни святых», тем самым сообщая нам об обычае затрапезных чтений в ордене – еще одна деталь монашеского быта. Но в этой же подборке «примеров», или «анекдотов» о Германе Сарацине (ПД. III, 79–81) Дева Мария неожиданно предстает в качестве «дамы сердца» Германа, во имя которой он, словно герой куртуазного романа, совершает рыцарские подвиги и проявляет рыцарскую щедрость. И в этом заявляет о себе двойственная ментальность крестоносца, воспитанного на примерах куртуазной культуры и (оказывается) прочно с нею связанного даже по прошествии многих лет пребывания в ордене. Но вскоре, перед Куршской битвой, Дева Мария снова является ему со словами: «Герман, я приглашаю тебя на пир Сына Моего», и он воспринимает эти слова как приглашение «к вечной

радости» (ПД. III, 85). Таковы хитросплетения орденских реальностей и ментальностей.

Сюда же для полноты картины можно добавить и то, что ментальности орденской братии, похоже, коснулся немецкий мистицизм в духе Генриха Сузо. И свидетельством тому как приведенная выше молитва на народном языке (ПД. III, 230), так и стремление некоторых братьев-рыцарей получить в сражении пять ран, наподобие ран распятого Иисуса. Так погиб брат Конрад фон Блинденбург, «о чем не раз слезно молил Бога» (ПД. III, 150), и брат Конрад Баувар, которому, по его словам, «было всё равно, что делать, лишь бы получить... пять ран, как Христос получил за меня». Так и случилось, пишет хронист: судовы «убили его, нанеся ему в битве пять ран» (ПД. III, 206).

Дева Мария, разумеется, главная святая Тевтонского ордена. Но кроме нее в ордене почитались и многие другие святые. В «Хронике» повествуется об обретении рыцарями гермы св. Варвары (ПД. III, 36), что служит крестоносцам добрым предзнаменованием, как и все последующие чудеса, являемые через ее мощи, упокоившиеся в церкви старого Кульмского замка. Замечено, что почитаемые в Тевтонском ордене святые (большинство из них упоминаются на страницах «Хроники») те же самые, что и в ордене Тамплиеров (и это не удивительно: ведь в уставе Тевтонского ордена немало заимствований из устава Тамплиеров): апостолы, св. Иоанн Креститель, св. Мария Магдалина, св. Лаврентий, св. Георгий и св. Михаил, и это далеко не все из тех, кто упомянут в Статутах Тевтонского ордена (Nicholson 2005. S. 94). Среди них особо почитаемы в ордене св. Варфоломей и св. Елизавета Тюрингская. В дни святых крестоносцы нередко выступали в походы на пруссов или на Литву. Хронист, не всегда точно называющий год или ограничивающийся кратким «тогда же», аккуратно упоминает на страницах хроники дни праздников святых, особенно если в эти дни случались важные для ордена события.

Помимо упомянутой выше гермы св. Варвары в ордене хранились и другие святые реликвии, среди которых фрагмент мощей св. Екатерины, подаренный в 1378 г. императором Карлом IV комтуру Бранденбурга Гюнтеру фон Гогенштейну (Löffler 2019. S. 15). Особое место среди реликвий занимали фрагменты Святого Креста. Один из них был преподнесен верховному магистру Тевтонского ордена Герману фон Зальце (1209–1239 гг.) императором Фридрихом II, и магистр (сам никогда не побывавший в Пруссии) «послал ее в пределы Пруссии, в Эльбингский замок, где и по сей день она обретается в большом почитании со стороны христиан из-за множества чудес, сотворенных через нее Господом» (ПД. I, 5). Другие фрагменты Святого Креста хранились в двух капеллах замка верховных магистров ордена в Мариенбурге (Мальборке), в

соборе Мариенвердера и в приходской церкви Страсбурга (Löffler 2019. S. 15). Все они впервые упомянуты в XIV в. При верховном магистре Вернере фон Орзельне (1324–1330 гг.) создается культ Святого Креста (Dygo 2008. S. 59).

Святые часто предстают в таких памятниках художественного творчества в ордене в Пруссии, как деревянная скульптура. Конечно, их авторами были приглашенные скульпторы, но заказчиком выступал Тевтонский орден, и, значит, они отражали вкусы заказчиков (преимущественно магистров), а своим существованием приобщали к ним и орденскую братию. К этому же относятся и памятники орденской литературы, созданные на протяжении XIV в., прежде всего «Пассионал» (жития святых великомучеников). В конце XIII в. была написана поэма «Мартина» орденского поэта Гуго фон Лангенштейна. К сожалению, героине поэмы так и не удалось вписаться в круг святых ордена, в котором она оказалась забытой (см.: Meindl-Weiss 2002): поэма сохранилась в ордене в единственной рукописи. Несомненно, эти памятники – важный источник, открывающий широкие перспективы перед изучающими Тевтонский орден как духовную корпорацию.

В основном тексте «Хроники» и в Дополнениях к ней Петр из Дусбурга обращается к литургии. В настоящее время этот аспект жизни Тевтонского ордена привлекает многих исследователей. Это понятно. Литургия – одна из главных особенностей любого духовного ордена. Она управляет монастырем в целом, а значит, и его каждодневным распорядком, проявляясь во всех аспектах жизни Тевтонского ордена, начиная с церковных служб и собраний капитула до (как уже говорилось) посвящения в рыцари ордена (Löffler 2019. S. 9–11). Хронист отводит две главы нововведениям в литургии. Одно из них ввел верховный магистр Зигфрид фон Фейхтванген в 1309 г. после переноса резиденции верховных магистров в прусский Мариенбург в надежде на помощь Пресвятой Девы во всех невзгодах. Он постановил, чтобы «по истечении каждого часа братья священники произносили антифон «Заступница, Царица!» со стихом «Во всех горестях» и рефреном «Господи, помилуй», а братья миряне – «Аве, Мария» (ПД. III, 305). Другое (обращенное к Христу) – Вернер фон Орзельн (ПД. Доп., 1) в год своей гибели (1326 г.) на Генеральном капитуле: «чтобы в почитание и восславление воплощения Господа нашего Иисуса Христа каждый день по окончании главной мессы клирики читали Евангелие: “Вначале было слово” со стихом: “Яви нам, Господи, благодать Твою”, а все вместе: “Вечный и всемогущий Бог, направь деяния наши во благо Твое” и при словах: “И слово стало плотью” братья опустили бы на колени до самого конца молитвы». Это одно из многих, рассеянных по тексту «Хроники», упоминаний о церковных службах в ордене.

Таким образом, «Хроника земли Прусской» Петра из Дусбурга, лаконично, порой подспудно, сообщая о немногих подробностях монашеской жизни в ордене (поскольку для автора, несмотря на его священнический чин, ратная жизнь выступает на первый план), живописуя чудеса и видения, в которых крестоносцы «контактируют» с Господом и Девой Марией, ангелами и дьяволом, позволяет проникнуть как в некоторые особенности духовности Тевтонского ордена в целом и формирования его идентичности, так и ментальности пребывавших в Пруссии крестоносцев.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Petr из Дусбурга.* Хроника земли Прусской / Изд. подг. В.И. Матузова. М.: Ладомир, 1997. [*Peter von Dusburg.* Khronika zemli Prusskoy (Chronicon terrae Prussiae). Moscow: Lodomir, 1997.]
- Arszyński M.* Die Deutschordensburg als Klosterhaus // Die Spiritualität der Ritterorden im Mittelalter / Hrsg. Z.H. Nowak (Ordines militares; VII). Toruń, 1993. S. 147–164.
- Boas A.J.* Life in Monfort in the Light of Archaeological Excavations (1926 and 2011–2014) // Das Leben im Ordenshaus: Vorträge der Tagung der Internationalen Historischen Kommission zur Erforschung des Deutschen Ordens in Tallinn 2014 / Hrsg. J. Kreem (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens: Veröffentlichungen; 17). Weimar: VDG, 2019. S. 21–27.
- Chronicon terrae Prussiae von Peter von Dusburg / Hrsg. M. Toeppen (SRP; I). 1861. S. 1–219.
- Dygo M.* Die Kultur des Deutschordenslandes Preussen: Das Problem der Eigentümlichkeit der Region // Mittelalterliche Kultur und Literatur in Deutschordensstaat in Preussen / Hrsg. J. Wenta, S. Hartmann, G. Vollmann-Profe. Toruń, 2008. S. 57–79.
- Fischer M.* Biblical Heroes and the Uses of Literature: The Teutonic Order in the Late Thirteenth and Early Fourteenth Centuries // Crusade and Conversion on the Baltic Frontier 1150–1500 / Ed. by A. Murray. Aldershot, 2001. P. 261–275.
- Hugo von Langenstein.* Martina / Hrsg. A. v. Keller (Bibliothek des Literarischen Vereins in Stuttgart; XXXVIII). Stuttgart, 1856. (Repr.: *Hugo von Langenstein.* Martina. Hildesheim; N. Y., 1978).
- Löffler A.* Die Rolle der Liturgie im Ordenskonvent: Norm und Wirklichkeit // Das Leben im Ordenshaus: Vorträge der Tagung der Internationalen Historischen Kommission zur Erforschung der Deutschen Ordens in Tallinn 2014 / Hrsg. von

J. Kreem (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens; 81). IIm-tal-Weinstrasse, 2019.

Meindl-Weiss J. Eine vergessene Heilige: Studien zur «Martina» Hugos von Langenstein. Frankfurt a/M., 2002.

Nicholson H.J. Saints Venerated in the Military Orders // Selbstbild und Selbstverständnis der geistlichen Ritterorden / Hrsg. R. Czaja, J. Sarnowsky (Ordines militares; XIII). Toruń, 2005. S. 91–113.

Das Passional: Eine Legenden-Sammlung des 13 Jhs. / Hrsg. K. Köpke. Quedlinburg; Leipzig, 1852.

Vera I. Matuzova

THE TEUTONIC ORDER AS A RELIGIOUS CORPORATION,
THE 13th AND 14th CENTURIES: ACCORDING TO *CHRONICON TERRAE
PRUSSIAE* BY PETER VON DUSBURG

The author deals with the theme “The Teutonic Order as a Religious Corporation” using the data of *Chronicon terrae Prussiae* by Peter of Dusburg, who showed the events as a special crusade, conducted with “spiritual weapons”. The article discusses material and spiritual culture of the Teutonic Order in Prussia to offer a comprehensive picture of religious life of the Order in Prussia, with its miracles and visions, “contacts” with Jesus and the Virgin, angels and demons, permitting to penetrate into some details of the Order’s spirituality, its identity and its brothers’ mentality.

Key words: the Teutonic Order, Prussia, crusades, Peter von Dusburg, *Chronicon terrae Prussiae*, spirituality, Order’s brothers, hagiography, miracles, visions

DOI: 10.32608/1560-1382-2022-43-75-86